

SAGİT REMİEV VE KONSTANTİN BALMONT ŞİİRLERİNE NİETZŞE FELSEFESİNİN YANSIMASI*

Yard. Doç. Dr. Çulpan ZARİPOVA ÇETİN

Muğla Üniversitesi Fen-Edebiyat Fakültesi
Çağdaş Türk Lehçeleri ve Edebiyatları Bölümü Öğretim Üyesi

Традиции философской поэзии Ницше в творчестве С.Рамиева и К.Бальмонта

Современный этап развития татарского литературоведения характеризуется повышенным вниманием к теоретическим и практическим вопросам исследования татарской литературы начала XX века. Однако большая часть проблем в этой области остается недостаточно изученной. В этом отношении обращение к проблеме демонизма в творчестве татарского поэта начала XX века Сагита Рамиева (1880-1926) в контексте восточно- европейской эстетики представляется актуальным.

Сагит Рамиев по типу мироощущения - романтик. В татарской литературе с его именем связано зарождение романтизма нового типа (Р.К.Ганиева, современный литературовед, определяет его романтизм "неоромантизмом европейского типа")¹

Сагит Рамиев - явление уникальное, не имеющее аналогов в татарской литературе. Гисьяническо-демоническое в его творчестве - явление субъективное, личностное, выражающее его мироощущение, отношение к миру, жизни, человеку, человечеству. Именно по этому параметру он сближается с М.Ю.Лермонтовым, Ф.Ницше, Дж.Х.Джебраном, К.Бальмонтом, что дает нам возможность сравнительно-сопоставительного анализа его творчества с творчеством вышеназванных поэтов.

В татарской литературе начала XX века появляются художники, по уровню таланта, по широте взгляда способные воспринимать идеи Шекспира и Гете, Байрона и Ницше и других. Как заметил современный литературовед Э.Г.Нигматуллин, в среде образованных татар накопилось достаточно знаний, чтобы иметь представление о мировой литературе и о самом мире.² Русский критик среди татар в начале XX века А.Пинкевич писал, что "некоторые произведения С.Рамиева по своим направ-

* Bu makale Rus dilinde yazılmış olup Ukrayna'da Sumi Devlet Üniversitesi tarafından yayımlanan *Вісник Сумського Державного Університету* (2005, N- 6 (78), s. 144-152.) adlı dergide yayımlanmıştır.

¹ Ганиева Р.К. Восточный Ренессанс и его традиции в тюркских литературах: Дис. ...докт. филол. наук. - Казань, 1992., с.258-262.

² Нигматуллин Э.Г. Раздвигая века и границы. К вопросу о связях татарской литературы первой трети XX в. с литературой Западной Европы. - Казань: Тат.кн. изд-во, 1977, с.92.

лениям близки самым новым образцам европейских литератур".³

Как заметил татарский литературовед Г.Халит, гисьянизм выдвинул на передний план образ "я" - условного лирического героя, неистово протестующего против проклятого прошлого, против зла земного и небесного. "По существу, - пишет далее Г.Халит, - гисьянистская поэтика очень близко стояла к идее "абсолютной свободы" личности".⁴ Девиз "бог - человек" свидетельствовал о становлении новой личности, которая осознавала себя хозяином на земле. Это было самоутверждение личности на самом высоком уровне.

Термины "демонический", "демонизм" в татарском литературоведении вошли в научный оборот в трудах Г.Халита, И.Нуруллина, Ш.Садретдинова. (О демоническом пафосе лирического героя С.Рамиева пишет Г.Халит, а в начале столетия - Г.Рахим).⁵ Демонизм во все времена находил яркое выражение в литературных произведениях разных народов, начиная с библейского сюжета, с античного Диониса.

В русской литературе демонизм в его художественном выражении начинается с творчества А.С.Пушкина, подхватывается и придается национальное своеобразие М.Ю.Лермонтовым, Н.В.Гоголем, развивается в контексте своего времени Ф.М.Достоевским, Н.С. Лесковым. В XX веке К.Бальмонт, А.Белый, опираясь на традиции XIX века, находят свое воплощение этого начала.

В татарской литературе к демоническим образам обращались М.Гафури, Х.Такташ, Ш.Бабич, Н.Наджми. В их произведениях сатана и демоны, находящиеся в вечном конфликте с религией и богом, являются своеобразным проявлением традиционно-демонического образа, с высоким вдохновением изображающегося в романтической литературе.

Вплотную к идее демонизма в начале века подошли такие крупные русские поэты, как К.Бальмонт, В.Брюсов, А.Белый, Д.Мережковский, Ф.Сологуб, А.Блок. И если демонизм Д.Мережковского, Ф.Сологуба выступает как что-то темное, мистическое (все они отталкивались от Ф.Достоевского), то в творчестве таких поэтов, как К.Бальмонт, А.Блок демонизм предстает как светлое, жизнеутверждающее начало, основной лейтмотив которого - это "я" лирического героя.

Поэтическая идея демонизма присутствовала не только в литературе, но и в живописи начала века: здесь нужно сказать, что универсальностью этой идеи - идеи гордого вызова миру и трагедии плененного волевого порыва личности к свободе - был увлечен М.А.Врубель.

В развитии татарской литературы начала XX века, конечно, большую роль сыграла русская литература. Во-первых, их объединяла общность событий и проблем, которые ставила сама история. Во-вторых, как уже было сказано, через русскую литературу происходило знакомство с литературой западно-европейской. Как пишут татарские литературоведы Х.Миннегулов и Р.Ганиева, татарская литература начала XX века складывается по образцу русской и западно-европейской литератур.⁶ Однако, опираясь на лучшие традиции Востока и Запада, татарская литература шла своим путем. Творчество татарских поэтов начала XX века было глубоко самобытно и оригинально.

³ Садретдинов Ш. Жизнь и творчество Сагита Рамиева: Дис. ... канд. филол. наук. - Казань, 1971, с. 97. (на тат. Яз.).

⁴ Халит Г. Герои, рожденные революцией. К проблеме героя и метода татарской советской литературы. - Казань:Тат. кн. изд-во, 1967, с.74-78.

⁵ История татарской литературы в 6 томах. (На тат. яз.). -Казань:Тат.кн.изд-во, 1986. - Т.3.-с.546.

⁶ Миннегулов Х.Ю. Татарская литература и восточная классика. (Вопросы взаимосвязей и поэтики): Дис. ... докт. филол. наук. - Казань, 1991, с. 419.

Как утверждают ученые Н.Конрад, В.Жирмунский, И.Неупокоева, Ю.Нигматуллина в своих фундаментальных трудах, писатель формируется в условиях влияния как национальных, так и мировых литературных традиций, на него действуют единые для всех стран законы социального и культурного развития. Это и приводит к типологическому сходству как в социальном сознании, так и в литературе.⁷

Творчество К.Бальмонта для сравнительно-сопоставительного изучения с творчеством С.Рагиева выбран нами не случайно. Рагиев - современник Бальмонта. И не только. Именно Бальмонт близок к Рагиеву по типу мышления, мировоззрению, что и определяет схожесть творчества двух поэтов.

Известно, что такие татарские поэты, как Г.Тукай, С.Сунчелей переводили стихотворения К.Бальмонта на татарский язык. Без сомнения, С.Рагиев был знаком с творчеством русского поэта. Любопытен и тот факт, что С.Рагиев в последний день своей жизни услышал в прочтении татарского журналиста К.Гирфанова стихотворение К.Бальмонта "Я в этот мир пришел, чтоб видеть солнце...", после чего признался, что начинает лучше чувствовать себя только с восходом солнца и что он восхищается людьми, которые выдвинули культ солнца (59, 156).

Сагит Рагиев был одним из передовых татарских поэтов своего времени. Уже современники поэта (например, Г.Исхаки, Г.Касимов, Дардменд, З.Башири) ставили его в один ряд с Г.Тукаем. Его и больше никого. А Г.Ибрагимов, определяя современных ему поэтов, называет его имя первым. По замечанию Г.Исхаки, "стихотворения С.Рагиева были самыми любимыми на литературных вечерах, а сам Рагиев - королем гостиных".⁸ Современник поэта, журналист Г.Касимов в связи со смертью Рагиева писал, что "ни один из тогдашних татарских поэтов не смог подняться на ту высоту, на которой стоял Сагит..."⁹ А.Еники в своем рассказе "Красота" также пишет, что в предреволюционные годы все увлекались новой литературой, сходили с ума по Сагиту Рагиеву, старались быть похожими на него, заучивали наизусть его стихотворения.

Русский литературовед Вл.Орлов писал, что Бальмонта действительно знала "вся читающая Россия". По словам В.Брюсова, Бальмонт в течение целого десятилетия нераздельно царил над русской поэзией. В первые десятилетия XX века по утверждению другого современного литературоведа Евг.Иванова, чуть ли не все начинающие поэты были сплошь бальмонтистами и бальмонтистками.¹⁰ После выхода стихотворного сборника "Будем как солнце" Бальмонта нарекли "королем поэтов".

Татарский литературовед нач. XX века Г.Сагди в своем труде "О символизме" писал, что стихотворения С.Рагиева находятся под влиянием русского символизма, тем самым определив одну из характернейших черт его поэзии.¹¹

В русской культуре на рубеже веков возникают новые явления, которые выражали духовный кризис общества. Все эти явления в различных направлениях литературы и искусства, отмеченные настроениями упадка и безнадежности, получили общее наименование - декадентство. Для писателей-декадентов характерна высокая

⁷ Конрад Н.И. Запад и Восток. Статьи. - 2-е изд-е, испр. и доп. - М.: Наука, 1972., Жирмунский В. Вопросы теории литературы. Статьи 1916-1926. - Л.: Academia, 1928., Неупокоева И.Г. Революционно-романтическая поэма перв. пол. XIX в. Опыт типологии жанра. - М.: Наука, 1971., Нигматуллина Ю. Г. Национальное своеобразие эстетического идеала. - Казань: Изд-во КГУ, 1970.

⁸ Исхаки Г. О литературе северных тюрков. (На тат. яз.) // Татарстан. - 1993, с. 72.

⁹ Халит Г. Тукай и его современники. (В борьбе за реализм и народность татарской литературы.) - Казань: Тат. кн. изд-во, 1966, с. 190.

¹⁰ Бальмонт К.Д. Избранное. - М.: Сов. Россия, 1989, с. 3.

¹¹ Сагди Г. О символизме. (На тат. яз.) - М.: Центриздат., 1932, с. 93.

культура, рафинированная утонченность. Наряду с понятием декадентства утвердилось еще одно условное название этих явлений в литературе и искусстве - модернизм. К литературе декадентского и модернистского толка относятся такие направления, как символизм, акмеизм, имажинизм, футуризм и другие.

Символизм определил творчество многих поэтов конца XIX -начала XX века. Символисты, наследуя романтикам, окончательно определили поэзию как особый тип художественного мышления. Они разрушили застывшую смысловую определенность слова, сообщив ему зыбкость, мерцающую многозначность. Русские символисты прочно связали символизм с драматизмом и напряженностью эпохи рубежа XIX - XX веков. Гордая и независимая по отношению к среде, отрицающая буржуазный быт личность вместе с тем теряла самостоятельность, становилась объектом "космических стихий", чуждых метафизике добра и зла. Это придавало ей трагическое величие, но лишало действительности. Творчество символистов возродило и утвердило господство в поэзии лирического начала.¹² Русские литературоведы Е.Ермилова, А.Соколов пишут, что символизм не хотел ограничиваться постановкой чисто литературных проблем, а хотел быть прежде всего мироощущением и умонастроением.¹³

Символисты хорошо усвоили новые эстетические и онтологические учения А.Шопенгауэра, Р.Вагнера, Ф.Ницше и по-своему откликнулись на коренную проблему новой эпохи - проблему судьбы личности в потрясенном мире.

Интерес теоретиков "нового искусства" к Ницше был закономерен. В.Брюсов воспринял у немецкого философа "любовь к судьбе", прославление сильного человека, который готов величественно и гордо к трагической судьбе. Литературовед Л.Колобаева пишет: "Эпоха катаклизмов, как правило, рождает разнообразные упования на силу, на волю". Русская литература рубежа веков и первой четверти XX века, по ее мнению, и явилась выразительницей такого рода надежд и упований.¹⁴

Уже в 80-90-е годы прошлого столетия в России читали Ницше и Шопенгауэра, а в середине 90-х годов и Н.М.Минский, и Д.С.Мережковский, и З.Н.Гиппиус, а чуть позднее - К.Д.Бальмонт и В.Я.Брюсов были объявлены ницшеанцами.¹⁵ "Властитель наших дум", - так назвал Ф.Ницше Вяч.Иванов в своей статье "Ницше и Дионис". Н.Бердяев считал Ницше самым сильным западным влиянием на русский Ренессанс. Об этом мы читаем и у В.Жирмунского.¹⁶

В философии Ницше высказалась с необычайной силой неудовлетворенность современного человека его настоящим и мучительная тревога за будущее. Ницше в беспощадном натиске разрушает всякий авторитет, следом за ним возгорается восстание, пробуждается дух мятежа. Идеи Ницше, безусловно, оказали на Бальмонта сильное воздействие. На все лады варьирует поэт найденную им тему "стихийного гения", придавая ему черты "ницшеанского сверхчеловека", которому "все позволено", который стоит по ту сторону добра и зла, правды и лжи¹⁷:

Я ушел от родимой межи -

¹² Краткая литературная энциклопедия.-М.:Сов. энциклопедия, 1964.-Т.2, с. 831.

¹³ Ермилова Е.В. Теория и образный мир русского символизма.-Наука,1989,с.3.

¹⁴ Колобаева Л.А. Концепция личности в русской литературе рубежа XIX - XX вв. - М.: Изд-во МГУ, 1990, с.172.

¹⁵ Ницше Ф. Стихотворения. Философская проза:(Пер. с нем.).-С-Петербург; Худ. лит., 1993, с.7-17.

¹⁶ Жирмунский В. Гете в русской литературе.-Л.:Худ.лит., 1937,с. 596.

¹⁷ Бальмонт К.Д. Стихотворения. - Л.: Сов. писатель, 1969, с.55.

За пределы и правды и лжи¹⁸

Литературоведом И.Корецкой было замечено в ряде стихотворных циклов Бальмонта конца 90-х и 900-х годов воссоздание жизнечувствования индивидуалиста ницшеанского толка, чья "пустынная душа" бежит от человечества.¹⁹

Не мог остаться в стороне от общероссийского влияния и С.Раимев, тем более что Ницше переводился и на татарский язык. Р.Ганиева также отмечает, что отдельные татарские писатели, как и азербайджанские, не были свободны от влияния ницшеанского и шопенгауэрского понимания человека (М.Хади, А.Сиххат, Х.Джавид, Н.Думаи и другие).²⁰

С.Раимев был ярким поэтом-индивидуалистом. Г.Халит пишет, что, "говоря об индивидуализме Сагита Раимева, нет необходимости отвергать или унижать индивидуализм как таковой".²¹

Еще в конце прошлого столетия немецкий профессор А.Риль назвал индивидуализм, неразрывный с независимостью, необходимым элементом всякой высшей морали, последней ведущей к ней ступенью, на которую человек может ступить только после долгого предшествующего развития.²²

Сверхиндивидуализм становится одним из краеугольных камней мироздания Н.М.Минского, Д.С.Мережковского, К.Д.Бальмонта и других русских поэтов начала XX века. Отсюда - самообожествление "я". Например, Ф.Сологуб:

Я - бог таинственного мира²³

З.Гиппиус:

Люблю себя, как бога²⁴

Отношения К.Бальмонта к действительности строятся по типу "я и мир", где "я" равновелико миру:

Я в мировом. Я в центре вечных сил²⁵

Л.Озеров пишет: "Я" - тема и смысл, магистральный образ и цель всех стихотворений Бальмонта. Эгоцентризм во всем его творчестве".²⁶

Смыслом всего и вся выступает "я" и в творчестве С.Раимева. Наиболее яркий пример тому - стихотворение, которое так и называется - "Я". Г.Халит не раз отмечал, что до Сагита Раимева в татарской лирике никогда еще человеческая

¹⁸ Бальмонт К.Д. Избранное. Стихотворения, переводы, статьи. - М.: Худ. лит., 1983, с. 62.

¹⁹ Литературно-эстетические концепции в России к. XIX- н. XX в.- М.: Наука, 1975, с. 210.

²⁰ Ганиева Р.К. Восточный Ренессанс и его традиции в тюркских литературах: Дис. ...докт. филол. наук. - Казань, 1992, с. 26.

²¹ Халит Г. Многоликая лирика. - Казань: Тат. кн. изд-во, 1990, с. 141.

²² Риль А. Ницше как художник и мыслитель: (Пер. с нем. З.Венгеровой). - СПб., 1899, с. 105.

²³ Русская поэзия серебряного века (1890-1917). Антология. - М.: Наука, 1993, с. 202.

²⁴ Там же, с. 189.

²⁵ Бальмонт К.Д. Стозвучные песни. Сочинения. - Верхне-Волж. кн. изд-во, 1990, с. 196.

²⁶ Бальмонт К.Д. Избранное. Стихотворения, переводы, статьи. - М.: Худ. лит., 1983, с. 19.

личность не возводилась на столь высокий пьедестал, "никогда еще лирический герой не произносил монолога с такой откровенной гордостью".²⁷ М.Гали по поводу обожествления своего "я" С.Раимевым писал, что даже русский дворянский писатель, известный индивидуалист Ф.Сологуб не мог поднять свое "я" до уровня бога. Более того "я" С.Раимева через стихотворения ворвалось и в прозу. Как заметил Г.Халит, С.Раимев вслед за предложением русских символистов, которые считали "я" самым ценным объектом мира, вошел в некоторое соприкосновение с символизмом своего времени. То, что символисты твердили о любви к себе как о боге, дает основание говорить о некоторой близости Раимева не только к символизму, но и к бытовавшим в России другим литературным течениям.²⁸ Так, Г.Сагди пишет, что крайний индивидуализм и солипсизм сближает С.Раимева с Д.Мережковским, З.Гиппиус, Ф.Сологубом.²⁹ На наш взгляд, С.Раимев в индивидуализме превзошел их всех.

Отождествлению себя и бога посвящены и многие стихотворения К.Бальмонта ("Молитва вечерняя", "Трицвет" и др.). Так, в стихотворении "Молитва вечерняя" он пишет:

Тот, Кто близко и далеко,
Перед Кем вся жизнь твоя
Словно радуга потока, -
Только Тот есть вечно - Я³⁰

Г.Халит заметил, что гораздо сильнее были связи С.Раимева с дальними традициями, то есть с восточной философией хуруфизма и поэзией гисьянизма.³¹ Бесспорно, традиции были сильны. Однако мы считаем, что обожествление «я» С.Раимевым - явление уникальное для татарской литературы того времени, получившее своеобразное национальное преломление.

В 1845 году немецкий философ младогегельянец М.Штирнер (1806-1856) публикует книгу "Единственный и его собственность", в которой заявил, что нет и быть не может иной реальности, чем самодовлеющее "я". Подобно богу, человек должен быть целью лишь себе самому, он вне добра и зла. Позднее эти идеи анархического индивидуализма были закреплены и развиты в ницшеанском учении о сверхчеловеке.³²

Ницше говорил о сильной личности, противостоящей толпе. Исключительность поэта часто и настойчиво подчеркивал К.Бальмонт:

Я ненавижу человечество,
Я от него бегу, спеша,
Мое единое отечество -
Моя пустынная душа³³

В предисловии к книге своих статей "Горные вершины" К. Бальмонт пишет: "Горные вершины единичны... Вершины сознания и творчества следуют

²⁷ Халит Г. Поэзия дерзаний.- Казань: Тат.кн. изд-во, 1980, с. 58.

²⁸ Халит Г. Многоликая лирика.- Казань: Тат. кн. изд-во, 1990, с. 147.

²⁹ Сагди Г. О символизме. (На тат. яз.).- М.: Центриздат., 1932, с. 108.

³⁰ Бальмонт К.Д. Избранное.- М.: Правда, 1990, с. 112.

³¹ Халит Г. Многоликая лирика.- Казань: Тат. кн. изд-во, 1990, с. 147.

³² Цвик И.Я. Религия и декадентство в России. (Методологические аспекты соц.-филос. критики).- Кишинев: Штиинца, 1985, с. 20.

³³ Бальмонт К.Д. Избранное.- М.: Правда, 1990, с. 239.

тому же великому принципу личности, отъединения, уединенности, отделения от общего...".³⁴

Такое бегство от людей и человечества было характерно творчеству многих поэтов в русской литературе начала столетия. Например, Д.Мережковский пишет:

Я хочу, но не в силах любить я людей:
Я чужой среди них³⁵

Презрение к миру и удаление от мира впервые получило философское объяснение в учении Шопенгауэра. По Ницше же, "человек должен уединиться, стать на путь любящего себя самого" и в процессе самоопределения он постепенно перейдет на широкий путь любящего других.³⁶

Нельзя понимать вышеприведенные строки из стихотворений в буквальном смысле как признание поэта в человеконенавистничестве и полном презрении к азам морали. Здесь, как пишет Вл.Орлов, под "человечеством" Бальмонт скорее понимает всесветное мещанство, скопление безумных множеств, лишенное истинно человеческих свойств и качеств.³⁷

Космическое отчуждение, стремление уйти от людей, уединиться наблюдаем мы в поэзии С.Рагиева ("Красота", "Вижу великую...", "Моя ночь"). Здесь надо заметить, что и для лирического героя Рагиева люди, которых он презрел - люди нелучшие.

Не ненавидит человека и Ницше. Наоборот, он хочет убедить нас в том, что его Заратустра преодолел свое "отвращение" к человеку. Как пишет современный литературовед, критик В.А.Сарычев, герой философа идет в мир с новой любовью. Он проповедует не "любовь к ближнему", а "любовь к дальнему". Поэтому учит: "Всякая великая любовь выше сострадания, ибо то, что она любит, она еще хочет - создать!".³⁸

Рагиев, как и Ницше, тоже пытался найти положительное в жизни, отсюда его серия стихотворений "Я", "Ты", "Она"... Однако это положительное он в отличие от Ницше пытается найти в конкретной ему действительности.

От других символистов, других современников К.Бальмонта отличало восторженное отношение к своей солнечности, неповторимости. Он декларировал стихийность творчества, необузданность, полную отрешенность от правил и классической меры.

С.Рагиев чувствует человека XX века властелином земли и вод, хозяином земли, а не временным гостем("Я"):

Я остаюсь один на свете,
На всей земле и небесах!
(Подстр.перевод здесь и далее наш.-Ч.З.-Ч.)

Это было характерно и для поэзии Г.Тукая, Дардменда, М.Гафури.

³⁴ Колобаева Л.А. Концепция личности в русской литературе рубежа XIX - XX вв. - М.: Изд-во МГУ, 1990, с. 150.

³⁵ Поэзия серебряного века 1880-1925./ Вступит.статья и сост. Е.Осетрова. - М.: Худ.лит., 1991, с.76.

³⁶ Знаменский С. Сверхчеловек Ницше. - Харьков, 1906, с. 46.

³⁷ Бальмонт К.Д. Стихотворения. - Л.: Сов. писатель, 1969, с. 55.

³⁸ Сарычев В.А. Эстетика русского модернизма. Проблема "жизнетворчества". - Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1991, с. 42.

Лирический герой Бальмонта также ощущает себя господином вселенной ("На рубеже", "Я в этот мир пришел, чтоб видеть солнце...", "Один из итогов"). Так, в стихотворении "Один из итогов" поэт пишет:

И вся Вселенная - моя.
Я знаю все ее стихии,
Я слышал все ее слова,
И здесь являясь не впервые,
Моя душа опять жива.

Определяя свое "я", поэты выражают не только свое. С.Рамиев говорил, что его "я" - это не только он, но человек вообще.³⁹ Русский поэт А.Ф.Анненский так определяет характер бальмонтского "я": «Оно не личное и не собирательное, а прежде всего наше "я", только сознанное и выраженное Бальмонтом».⁴⁰

Ницше в своем учении о сверхчеловеке говорил о том, что человек с каждым днем должен становиться все лучше и ... злее. Путь к совершенству для лирического героя Ницше пролегает через зло:

Открыто говори, что молишься на зло⁴¹

В зле Ницше разумел внутреннюю мощь и силу. В "Веселой науке" Ницше заметил: "До сих пор только самые сильные и самые злые натуры дальше всего вели человечество вперед; они снова воспламеняют засыпающие страсти".⁴² Для Ницше зло - это вечно ищущее, сильное начало в человеке.

Лирический герой книг Бальмонта "Тишина" и "Будем как солнце" - "стихийный гений", порывающийся "за пределы предельного", открыто молящийся на зло, как и положено сверхчеловеку, который исповедует ницшеанскую веру. Облики такого лирического героя отличаются удивительным разнообразием и множественностью. Однако личность, декларативно вместившая в себя "весь мир", оказывается изолированной от него. Она погружена лишь в "глубины" своей души, где творится неладное, непонятное и ему самому ("В душах есть все").

Творчество Бальмонта - это особый поэтический мир, где все подвижно, бегло и зыбко, все соткано из мимолетных впечатлений, безотчетных восприятий. По воспоминаниям жены поэта Е.Андреевой-Бальмонт, "он жил мгновением и довольствовался им... То взывал к Христу, то к Дьяволу, то воспевал Зло, то Добро".⁴³

Именно экспрессия, чередование в творчестве С.Рамиева светлого и темного, высокого и низкого позволило Г.Сагди сравнивать его творчество с творчеством В.Брюсова и других, при этом заметив, что жалоб и безнадежности у татарского поэта больше.⁴⁴ В стихотворениях С.Рамиева, безусловно, существуют крайности. То он покидает мир и людей в поисках красоты в ином мире ("Красота"), то поет гимн всеильному человеческому "я" ("Я"). Если в стихотворениях "Миру", "Слово Маджита", "Пусть смеются" лирический герой Рамиева призывает к бунту, то в начале

³⁹ Рамиев С. На заре. Стихотворения, рассказы, пьесы, публицистика. (На тат.яз.) - Казань: Тат.кн.изд-во., 1980, с. 235.

⁴⁰ Бальмонт К.Д. Светлый час. Стихи и переводы из 50-ти книг. - М.: Республика, 1992, с. 14.

⁴¹ Ницше Ф. Стихотворения. - М.: Алфавит, 1991, с. 23.

⁴² Риль А. Ницше как художник и мыслитель: (Пер. с нем. З.Венгеровой). - СПб., 1899, с.93.

⁴³ Бальмонт К.Д. Стихотворения. - М.: Худ. лит., 1990, с. 14.

⁴⁴ Сагди Г. О символизме. (На тат. яз.) - М.: Центриздат., 1932, с. 108.

того же стихотворения "Миру", в стихотворениях "Человек", "Устал" признает бессилие своей души, старается убедить нас в том, что смирится:

Как человек буду и я -

Так - с виду, а внутри - змея. (Подстр.перевод).

Слагаю меч обратно в ножны ⁴⁵(Подстр.перевод).

Стихотворение "Человек" было написано в 1908 году, в годы реакции, когда любая попытка быть самим собой могла стоить жизни. В эти же годы Г.Тукай пишет стихотворение "Память", где также предостерегает человека показывать свою истинную сущность. Противоречив лирический герой Сагита Рамиева и в отношении к богу. Если в стихотворениях "Я", "Слово Маджита" он грозит сжечь и испепелить трон Всевышнего, то в стихотворениях "Аллах", "Молитва", "Утешение" С.Рамиев воспринимает бога как неделимую часть своего "я", способную понять его. Такие стихотворения, как "Молитва", "Утешение", содержат в себе выдержки из Корана, которыми поэт напоминает Аллаху его обещания.

Поэзия С.Рамиева построена на быстрой смене настроений, впечатлений. Литературовед А.Самойлович называет Рамиева вольным певцом личных настроений и переживаний.⁴⁶ М.Гали справедливо заметил, что С.Рамиев не умеет мыслить спокойно, хладнокровно, подобно Тукаю, Дардмеду. Он сильно волнуется...⁴⁷ Эта черта характерна Рамиеву и выражается в экспрессивности его поэзии. Лучший пример передачи всей гаммы чувств, переживаний и настроений С.Рамиева - стихотворение "Обманутый". Бурное проявление ненависти к этому миру как следствие разочарования, озлобленности в результате неудовлетворенности - с одной стороны, с другой - спокойное, ностальгическое рассуждение о светлых днях минувших, которые сменились неопределенными, темными днями - все это мы можем наблюдать в одном стихотворении, которое начинается глубоким разочарованием, а заканчивается вопросом, в котором таится надежда на лучшие времена.

Бурную смену настроений наблюдаем мы и в других стихотворениях Рамиева. Например, стихотворение "Человек":

Молчу, страдаю, снова радуюсь

И вот опять от горя стынет кровь⁴⁸ (Подстр.пер.)

Г.Ибрагимов в статье "Татарские поэты" пишет, что настоящий поэт, без сомнения, раб чувств, "он, если взглянуть на него со стороны поэтики, имеет мало дела с холодным рассудком и сухой логикой".⁴⁹

Бальмонт о таком свойстве души писал: "Романтик, являясь четкой вольной личностью, всегда стремится от предела к Запредельному и Беспредельному". Поэт признает чувство всемерного, беспредельного пафосом романтики и творческим

⁴⁵ Рамиев С. На заре. Стихотворения, рассказы, пьесы, публицистика. (На тат.яз.) - Казань: Тат.кн.изд-во., 1980, с. 35, 55.

⁴⁶ Самойлович А. Литература турецких народов // Литература Востока. Сб. статей. - Пг.: Всемирная лит., 1919. - Вып.1: с. 45.

⁴⁷ Гали М. Жизнь и творчество Сагита Рамиева (На тат.яз.) // Совет Эдэбияты. - 1940. - № 4: с. 82.

⁴⁸ Рамиев С. На заре. Стихотворения, рассказы, пьесы, публицистика. (На тат.яз.) - Казань: Тат.кн.изд-во., 1980, с. 35.

⁴⁹ Ибрагимов Г. Татарские поэты // Собр. Соч. В 8 томах. (На тат.яз.) - Казань: Тат.кн.изд-во., 1978, с. 84.

огнем современности.⁵⁰ Этим Бальмонт, сам того не ведая, объяснил состояние не только своей души, но и души многих поэтов начала XX века.

Стремление уйти за пределы и выше своего "я", было характерно Ницше ("Так говорил Заратустра", "Утренняя заря", "Веселая наука").

Выход за пределы предельного - яркая особенность лирического героя С.Рагиева:

И в ту минуту, растворясь,
Душа выходит за пределы⁵¹(Подстр.пер.)

Если лирический герой Бальмонта иногда задается вопросом, кем же поработан его дух, то татарский поэт с самого начала знает над собой власть только своего "я", которое, в отличие от демона Ницше и Бальмонта, не поработан, а наоборот - делает его сильнее, духовно выше и чище всех остальных людей. Кроме того, у лирического героя С.Рагиева наравне с его "я" есть и "она", просвещенная женщина, способная спасти не только его, но и всю нацию ("Она", "Джамиля", "Думаю я иногда..." и др.).

Поэзии и К.Бальмонта, и С.Рагиева присущ символ темной беспросветной ночи. У обоих поэтов есть стихотворения, не только содержанием, но даже названием напоминающие друг друга. Стихотворение "Злая ночь" К.Бальмонта:

Ты вся - в кошмарностях, в разорванных мечтаньях,
В стихийных шорохах, в лохмотьях, бормотаньях,
О ненавистная, мучительная ночь.

Стихотворение С.Рагиева "Моя ночь":

Тьма кромешная и до зари далеко
Так и ночь моя - беспросветный ад.
Великих горестей, переживаний
И беспокойства ночь моя полна.(Подстр. перевод).

Надо заметить, что образ ночи присутствует в творчестве многих татарских поэтов начала XX века, таких как Тукай, Дардменд.

В стихотворении "Моя ночь" лирический герой С.Рагиева не видит никого, кто бы вызволил его из этой ночи к свету. У него нет никаких надежд. У лирического героя Г.Тукая в стихотворении "Один человек" такое же душевное состояние. Однако, как было замечено Г.Халитом, у Тукая в отличие от Рагиева есть надежда на современников.⁵² У лирического героя Тукая всегда что-то остается. Нет солнца и луны – звезда есть ("Звезда души"). Лирический герой стихотворения М.Файзи "Жалоба", при всем разочаровании, возлагает такую же надежду на друзей.

Символ ночи в татарской поэзии связан в определенном смысле с восточной традицией (например, поэзия Хафиза). Однако не только. Образ темной ночи как символ безнадежности, удушающей атмосферы беспросветной действительности мы можем найти в творчестве многих русских поэтов начала XX века. Например, стихотворение "Ночь немая, ночь глухая..." Вяч.Иванова.

⁵⁰ Бальмонт К.Д. Избранное. – М.: Правда, 1990, с. 531.

⁵¹ Рагиев С. На заре. Стихотворения, рассказы, пьесы, публицистика. (На тат.яз.). - Казань: Тат.кн.изд-во., 1980, с. 35.

⁵² Халит Г. Поэзия нового века. (На тат.яз.). - Казань: Тат.кн.изд-во., 1979, с. 63

Если Бальмонт свое стихотворение "Злая ночь" написал в 1903 году, то стихотворение Рамиева "Моя ночь" написано в условиях реакции, в 1909 году, чем и объясняется в какой-то мере пессимистичность его содержания. Ночь, переживаемая Бальмонтом, Рамиевым и другими, выступает как предтеча грядущей зари, обещающей полнокровную жизнь. Н.Бердяев считал, что обращенность к грядущему была очень характерна для поэтов-символистов. Как гимн восхождению, устремленности человеческого духа от тьмы к свету, жажде преодоления ночи звучит стихотворение К.Бальмонта "Я мечтою ловил уходящие тени...".

В отличие от русских поэтов, больше тяготевших к образу солнца, в стихотворениях татарских поэтов возникает образ светлой луны ("Миру" С.Рамиева, "Для кого?" Ш.Бабица и др.). Это, на наш взгляд, особенность всей восточной литературы, которая наряду с культом солнца, создала и культ луны. В русской, и вообще западно-европейской литературе, луна чаще встречается как символ таинственности, печали, как что-то мистическое, тогда как в татарской, и шире - восточной поэзии луна еще и символ грядущего дня, светлой надежды и источник жизни.

Однако при всей жажде светлого будущего лирические герои Ницше, Рамиева и Бальмонта не уверены в том, что люди поймут их высокие стремления, вряд ли возможно примирение с людьми. Ницше пишет: "Каждое индивидуальное действие, каждый индивидуальный образ мыслей возбуждает страх. Невозможно перечислить, сколько вынесли в течение всей истории эти редкие умы, которые считались порочными и опасными и которые сами себя считали такими. При власти такой нравственности все оригинальное считалось порочным".⁵³ В этом определении он как бы предсказал и свою судьбу, судьбу своего учения.

Лирические герои Рамиева и Бальмонта оказываются в полном одиночестве. Одиночество среди людей. У Ницше мы читаем: "Наше одиночество тогда становится еще большим и именно потому, что вокруг нас шумит все течение человечества".⁵⁴ Лирические герои Бальмонта ("Альбатрос") и Рамиева ("Я", "Пророк") жаждут одиночества, которое сделало бы их сильными, свободными. Они, пребывая в одиночестве, чувствовали себя властелинами земли и вселенной. К.Бальмонт:

Я царь над царством живых видений,
Всегда свободный, всегда один.

С.Рамиев:

Я остаюсь один на свете,
Свободный, радостный опять (Перевод М.Львова)

Однако лирические герои обоих поэтов страдают от подобного одиночества. Их страдания обернулись проклятиями. И не только людей проклинают лирические герои Ницше, Рамиева и Бальмонта, но и весь мир, полный противоречий, бессмыслицы и несправедливости. Бальмонт написал целый цикл стихотворений, который так и назвал – «Проклятия» (Книга "Только любовь").

Проклятия С.Рамиева приобретают вселенский масштаб ("Обманутый", "Человек", "Я веселым не был..."). Так, в стихотворении "Я веселым не был..." поэт пишет:

⁵³ Ницше Ф. Утренняя заря. Мысли о моральных предрассудках. – Свердловск: Воля, 1991, с. 11

⁵⁴ там же, с . 161.

Ищу звезду свою и если нахожу,
То тусклою, вот-вот она погаснет,
Вселенной шлет проклятия напрасные она.(Подстр.пер)

Г.Ибрагимов считал, что в мечтах поэты уходят куда-то ввысь, во вселенную, в космос, а в действительности вынуждены жить ненавистной, низкой жизнью на земле. В этом татарский критик видит исток проклятий С.Рамиева.⁵⁵ Г.Халит писал, что гордый голос трагического героя Рамиева, выразившего ненависть земному и небесному гнету, явился в татарской литературе одним из самых сильных примеров в защиту Человека и свободы личности. Рамиев положил начало традиции, дал определенное направление развитию романтического героя в нашей поэзии.⁵⁶

Лирический герой Рамиева ("Я веселым не был...") уверовал в то, что печаль и страдания ниспосланы ему судьбой, они вечные спутники его жизни. В этом он близок к Лермонтову. Пессимизм поэта идет от его трагического мироощущения. Для него, как это было характерно вообще для человека начала столетия, предчувствие потери, вырождения отравляет радость жизни. Все обречено. Не только люди, но даже сама природа не в силах противостоять этому («Я умру»):

Какие молодые цветы,
Какие леса и воды...
Все лишь грусть да страдание...
Все суета сует.
Травы эти, что землю
Покрыли зеленым ковром,
Про себя напевают
Все один мотив - "я умру"(Подстр. перевод).

В этом стихотворении С.Рамиев, как и его современники татарские поэты Дардменд, Думави и ливано-английский поэт и философ Джебран, выражает экзистенциальные настроения эпохи.

Похожее стихотворение есть и у Бальмонта:

Вы умрете, стебли трав.
Вы вершинами встречались,
В легком ветре вы качались,
Но, блаженства не видав,
Вы умрете, стебли трав⁵⁷

Свободное, солнечное восприятие мира осложнено ощущением тоскливого одиночества души, разорвавшей все связи с жизнью страны и народа. Тема бесприютности в этом мире, невозможности тихого счастья часто возникает в стихотворениях Бальмонта ("Злая ночь", "Трилистник", "Воздушная дорога"). Миром правит хаос, какая-то мистическая, неземная сила заставляет нас подчиниться себе («Сорвался разум мировой...»).

⁵⁵ Ибрагимов Г. Татарские поэты //Собр. Соч. В 8 томах. (На тат.яз). - Казань: Тат.кн.изд-во., 1978, с. 89.

⁵⁶ Халит Г. Поэзия нового века. (На тат.яз.). -Казань:Тат.кн.изд-во., 1979, с. 102.

⁵⁷ Бальмонт К.Д. Избранное.- М.: Правда, 1990, с. 42.

Социальные, гражданские темы, стоявшие в центре внимания предыдущих поколений, решительно отодвигаются в начале XX века экзистенциальными темами - Жизни, Смерти, Бога. Во вселенских масштабах рисуются пафос неминуемой гибели этого мира, воля к смерти, а образ поэта, как правило, - образ одинокого про-рока-сверхчеловека, предвидящего бездну, невидимую другим. Поэты чувствуют себя чужими на земле, заброшенными в нее не-видимой рукой ("Мы брошены в сказочный мир...", "Воздушная дорога" К.Бальмонта, "Устал" С.Рагиева). Их души возлюблены не для земной жизни со всеми ее низостями и пороками. Поэтому, живя на земле, лирические герои и Рагиева, и Бальмонта страдают от разлада души с миром. С.Рагиев:

Что ж тогда с возвышенной душой
Возлюбил меня, Всевышний?(Подстр. перевод).

К.Бальмонт:

Зачем ты даровал мне душу неземную,
И приковал меня к земле?⁵⁸

Однако одиночество и страдания закалили лирических героев Рагиева и Бальмонта. Страдающие, сгорающие во имя совершенства, ищущие, рвущиеся в беспредельность - таковы лирические герои С.Рагиева и К.Бальмонта. «Гори, душа» С.Рагиева:

Гори, гори, гори ты, сердце!
Гори с зари и до зари.
Гори и месяцы, и годы,
Безостановочно гори!

К.Бальмонт:

Я спросил у высокого солнца,
Как мне вспыхнуть светлее зари,
Ничего не ответило солнце,
Но душа услышала: гори!⁵⁹

А.Шопенгауэр в середине XIX века писал, что счастье известного периода жизни следует оценивать не по радостям его, а по отсутствию страданий как положительного начала.⁶⁰ Ни Рагиеву, ни Бальмонту не приходится жаловаться на отсутствие страданий в любой период своей жизни.

Жизнь и творчество таких поэтов, как Ницше, Рагиев, Бальмонт, Джебран, - это подлинная трагедия одинокой души. Всякая человеческая жизнь, даже самая удачная, самая частливая - трагична. Что же говорить о жизни поэта! Русский поэт Н.Гумилев в начале XX века писал: "Все мы страшно одиноки". Такое одиночество было характерно для всех поэтов начала XX века, несмотря на национальность и вероисповедание.

⁵⁸ Бальмонт К.Д. Избранное. - М.: Сов. Россия, 1989, с. 34.

⁵⁹ Бальмонт К.Д. Избранное. - М.: Правда, 1990, с. 147.

⁶⁰ Шопенгауэр А. Полн. собр. соч./Пер. и ред. Ю.И.Айхенвальда. - М., 1903, с. 693.

Подобно Демону Лермонтова, лирические герои Ницше, Рамиева и Бальмонта повисли между небом и землей и потому не знают приюта и покоя. Однако горе и печаль в их творчестве не остались пассивными чувствами. Они выступили, как активные силы, влекущие зло и ненависть, свободолюбие и гордость.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Бальмонт К.Д. Избранное. Стихотворения, переводы, статьи.- М.:Худ. лит., 1983.
2. Бальмонт К.Д. Избранное.- М.:Сов. Россия, 1989.
3. Бальмонт К.Д. Избранное.- М.:Правда, 1990.
4. Бальмонт К.Д. Светлый час. Стихи и переводы из 50-ти книг.-М.:Республика, 1992.
5. Бальмонт К.Д. Стихотворения. - Л.: Сов. писатель, 1969.
6. Бальмонт К.Д. Стозвучные песни. Сочинения. - Верхне-Волж. кн. изд-во, 1990.
7. Гали М. Жизнь и творчество Сагита Рамиева(На тат.яз.)//Совет эдэбияты. - 1940. - N 4.
8. Ганиева Р.К. Восточный Ренессанс и его традиции в тюркских литературах: Дис. ...докт. филол. наук. - Казань,1992
9. Ермилова Е.В. Теория и образный мир русского символизма.-Наука,1989.
10. Жирмунский В. Вопросы теории литературы. Статьи 1916-1926. - Л.: Academia, 1928.
11. Жирмунский В. Гете в русской литературе.-Л.:Худ.лит., 1937.
12. Знаменский С. Сверхчеловек Ницше. - Харьков, 1906.
13. Ибрагимов Г. Татарские поэты //Собр. Соч. В 8 томах.(На тат.яз). - Казань: Тат.кн.изд-во., 1978.
14. История татарской литературы в 6 томах.(На тат. яз).-Казань:Тат.кн.изд-во,1986. - Т.3.
15. Исхакый Г. О литературе северных тюрков.(На тат. яз.)//Татарстан.-1993.
16. Колобаева Л.А. Концепция личности в русской литературе рубежа XIX - XX вв. - М.: Изд-во МГУ, 1990.
17. Конрад Н.И. Запад и Восток.Статьи.-2-е изд-е,испр. и доп.-М.:Наука,1972.
18. Краткая литературная энциклопедия.-М.:Сов. энциклопедия, 1964.-Т.2.
19. Литературно-эстетические концепции в России к. XIX- н. XX в.- М.: Наука, 1975.
20. Миннегулов Х.Ю. Татарская литература и восточная классика.(Вопросы взаимосвязей и поэтики);Дис. ...докт. филол. наук. - Казань, 1991.
21. Неупокоева И.Г. Революционно-романтическая поэма перв. пол. XIX в. Опыт типологии жанра.- М.: Наука, 1971.
22. Нигматуллина Ю. Г. Национальное своеобразие эстетического идеала. - Казань: Изд-во КГУ, 1970.
23. Нигматуллин Э.Г. Раздвигая века и границы. К вопросу о связях татарской литературы первой трети XX в. с литературой Западной Европы. - Казань: Тат.кн. изд-во, 1977.
24. Ницше Ф. Стихотворения. - М.: Алфавит, 1991.
25. Ницше Ф. Стихотворения. Философская проза:(Пер. с нем.).-С-Петербург; Худ. лит., 1993.
26. Ницше Ф. Утренняя заря. Мысли о моральных предрассудках. - Свердловск: Воля, 1991.
27. Поэзия серебряного века 1880-1925./ Вступит.статья и сост. Е.Осетрова. - М.: Худ.лит., 1991.

28. Рамиев С. На заре. Стихотворения, рассказы, пьесы, публицистика.(На тат.яз.).- Казань: Тат.кн.изд-во., 1980.
29. Риль А. Ницше как художник и мыслитель:(Пер. с нем. З.Венгеровой). - СПб., 1899.
30. Русская поэзия серебряного века (1890-1917). Антология. - М.:Наука, 1993.
31. Сагди Г. О символизме. (На тат. яз.).-М.:Центриздат.,1932.
32. Садретдинов Ш. Жизнь и творчество Сагита Рамиева: Дис. ... канд. филол. наук. - Казань, 1971, с. 97.(на тат. Яз.).
33. Самойлович А. Литература турецких народов // Литература Востока. Сб. статей. - Пг.: Всемирная лит., 1919. - Вып.1.
34. Сарычев В.А. Эстетика русского модернизма. Проблема "жизнетворчества". - Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1991.
35. Халит Г. Герои, рожденные революцией. К проблеме героя и метода татарской советской литературы. - Казань:Тат. кн. изд-во, 1967.
36. Халит Г. Многоликая лирика.- Казань: Тат. кн. изд-во, 1990.
37. Халит Г. Поэзия дерзаний.- Казань: Тат.кн. изд-во, 1980.
38. Халит Г. Поэзия нового века.(На тат.яз.).-Казань:Тат.кн.изд-во.,1979.
39. Халит Г. Тукай и его современники.(В борьбе за реализм и народность татарской литературы).-Казань:Тат.кн. изд-во, 1966.
40. Цвик И.Я. Религия и декадентство в России. (Методологические аспекты соц.-филос. критики).- Кишинев: Штиинца, 1985.
41. Шопенгауэр А. Полн. собр. соч./Пер. и ред. Ю.И.Айхенвальда.- М.,1903.